

Надежды Степановны Аронецкой, которая ведет актера от простого к сложному, со ступеньки на ступеньку, не форсируя событий, оберегая от возможных неудач, охраняя от зашатаваемости и наигрыша.

— Пойду на них покричу, — говорила она в Черновцах после спектаклей. — Столько накладок...

Я догадывался, что в общении Надежда Степановна человек не очень-то удобный, и чуть-чуть завидовал ей. С годами мало кто из нас не вступает со своей профессией в отношения, что ли, панибратские. Ну не вышло, в другой раз выйдет, не ошибается тот, кто ничего не делает. У Аронецкой во всем, что касалось театра, таких защитительных барьеров не было.

«Что, кутята, большими артистами стали? Хорошо играли, но к искусству это никакого отношения не имеет», — могла она сказать актерам.

«Одна актерская жизнь мне дороже, чем все кассовые сборы за год», — могла сказать начальству.

И росли актеры. Пресловутых «актер-актерычей» в Тираспольском театре ни в тот, ни в другой раз я не видел.

Года за два до нашего знакомства на знаменитой актерской «бирже» в Москве Надежда Степановна попробовала пригласить двух румынских молодых со свеженькими дипломами в Тирасполь.

— В Тирасполь? А что вы нам предложите?

— Интересную работу.

— Мамуся, вы в каком веке живете?

С тех пор мысль о наборе нового курса не оставляла.

НЕ СОТВОРИ КУМИРА

Зачем ты так, Саша? Ты не можешь без театра. Нет уже для тебя жизни без сумрака кулис, без света рамп. Не горячись и не ломай копий. Высиди, вытерпи заветный актерский диплом. А кулисы везде пахнут одинаково — припыленной пылью.

Но для Саши пока существует один театр. Тираспольский. Три года он монтировал на его сцене декорации, дожидаясь, когда Кишиневский институт искусств будет набирать курс специально для этого театра. Для Саши пока существует один педагог. Надежда Степановна Аронецкая. За все три года ему и в голову не пришло попытать судьбу где-то на стороне, потому что учиться хотел только у этого педагога. Что же делать тебе теперь, Саша Муращенко?

— В прошлом году здесь, в Кишиневе, во

время гастролей идем на свой спектакль, а за два квартала уже лишний билетик спрашивают. Понимаем, не наша заслуга. Но все равно, знаете, как радовались, — говорит Саша.

С третьим поколением Тираспольского театра я встречался в сквере, под развесистым дубом, окруженным скамейкой. В его тени ребята два академических часа делились с корреспондентом горестями, а потом мчались отмечать на очередные занятия, которых не было...

— Нас подлавливают. Занятий нет, а мы должны быть обязательно... За неделю состоялось всего две лекции...

С Сашей Муращенко мы знакомые давние, разговариваем не впервые. В скромно молчащей Ларисе Черниченко я узнаю разбитного казачка Гришку из спектакля «На бойком месте», виденном когда-то в колхозном клубе под Черновцами. Вспоминаю Лину Юсим в пьесе Л. Табукашвили «Прощальный вальс». Не раз, должно быть, сталкивался за кулисами с Сашей Богомоловым, Юрой Смотричем, Ирой Сериковой, Надей Саватеевой... Юные, открытые лица выжидательно смотрят на меня. На каждом недоумение: почему?

Я не знаю, почему, набирая курс для Тираспольского театра, в экзаменационной комиссии кто-то из всех сил старался доказать профессиональную непригодность тираспольцев, ребят, учившихся в студии у Надежды Степановны Аронецкой.

Не знаю, во имя чего будущих актеров, помогавших своему театру показать кишиневским зрителям товар лицом, потребовалось исключить из института за пропуски занятий, которых не было?

Мне неясно, какие педагогические цели преследовались, когда, вернув ребят в институт, на 12 человек оставили четыре стипендии, и только после вмешательства ЦК комсомола республики сумели найти для них места в общежитии...

Как могло произойти то, что произошло?

...Во втором семестре на курсе появился соруководитель. Он не столько учил, сколько переучивал, начисто перечеркивая полученное студентами у Надежды Степановны. 16 человек из 23 заниматься с ним отказались. И тогда курс официально разделили на две группы. Оставшихся у Аронецкой увещеваниями и угрозами склоняли от нее уйти.

«Ну что вы в ней нашли? Не создавайте себе кумиров. Студент не должен выбирать преподавателя, в противном случае... — внушали им на комсомольском собрании члены факультетского бюро. — А если бы ее вообще не стало?»